

Предисловие

Как и многие «Песни Матушки Гусыни», стишок про томминокеров только на первый взгляд кажется простым. Между тем трудно даже понять, откуда взялось это слово. Полный словарь Уэбстера определил томминокеров как: а) троллей, живущих в подземных тоннелях, или же б) привидений, которые водятся в заброшенных пещерах и шахтах. Учитывая, что «томми» на устаревшем британском сленге означало армейский паек (когда-то в Британии так называли всех новобранцев, вспомним хотя бы строчки из стихотворения Киплинга: «Эй, Томми, так тебя и сяк...»), авторы Большого Оксфордского словаря, не посвятив томминокерам отдельной статьи, все же предполагают, что это могут быть призраки шахтеров, погибших голодной смертью, которые до сих пор стучатся в чужие дома, прося еды и приюта.

Первую часть стишка («Если б только вы знали, как громко в ночи») и я, и моя жена нередко слышали в детстве, хотя мы с ней выросли в разных городах, воспитывались в разных вероисповеданиях и происхождение у нас разное: ее предки прибыли в свое время из Франции, а мои — из Ирландии и Шотландии.

Остальные строчки — плод воображения автора.

Автор — то есть я — хочет выразить благодарность Табите, моей жене, как бесценному, хоть зачастую и раздражающему меня критику (если критик вас раздражает, можете быть почти уверены: он прав), редактору Алану Уильямсу за его доброту и внимание, Филлис Грэн за терпение (фактически этот роман был не столько написан, сколько выдолблен киркой каторж-

ника в горах) и в особенности Джорджу Эверетту Маккатчону, который не только прочел каждую главу и отшлифовал ее — прежде всего, конечно, в отношении оружия и баллистики, — но и скрупулезно следил за тем, чтобы главы не противоречили друг другу. Когда Мак ушел из жизни, книга была в процессе переработки. Скажем так: я послушно правил очередной отрывок в соответствии с его замечанием — и вдруг узнаю, что Джордж все же пал жертвой лейкемии, с которой сражался около двух лет. Мне страшно его не хватает — не только как друга, помогавшего навести порядок в мыслях, но и как человека, по-настоящему близкого моему сердцу.

Следует поблагодарить еще многих, всех и не перечислить: пилотов, дантистов, геологов, сотоварищей по перу, даже моих сыновей, присутствовавших при чтении этой книги вслух. Отдельное спасибо Стивену Джею Гулду*. Хоть он и болеет за «Янки», а стало быть, не заслуживает полного доверия, его замечания насчет возможностей «эволюции отупления», как я это называю, помогли в обработке последнего варианта романа (см. его книгу «Улыбка фламинго»).

Хейвен не существует в реальности. Персонажи вымышлены. Все это выдумка, за одним исключением:

Томминокеры — настоящие.

И если, по-вашему, я шучу — должно быть, вы пропустили по телевизору вечерние новости.

Стивен Кинг

---

* Стивен Джей Гулд (1941–2002) — известный американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Книга первая

КОРАБЛЬ В ЗЕМЛЕ

Тут нам попался Гарри Трумэн:
из Миссури вместе плыли.
Мы спросили про войну, а он сказал: «Забыли!»
Мы напомнили про бомбу: «Вам не стыдно за нее?»
Он в ответ: «Плесни-ка выпить; это дело не твое!»

The Rainmakers. Downstream

Глава 1

АНДЕРСОН СПОТЫКАЕТСЯ

1

Королевство пало «оттого, что в кузнице не было гвоздя», — вот к чему сводится наша история. В конечном счете все на свете сводится к чему-то похожему; по крайней мере так думала Роберта Андерсон, хоть и много позже. Либо всем управляет случай, либо... рок. Двадцать первого июня 1988 года Андерсон буквально споткнулась о собственную судьбу в городишке под названием Хейвен, штат Мэн. Это и стало отправной точкой для всех последующих событий.

2

Андерсон была в компании Питера, дряхлого бигля, подслеповатого на один глаз. Питера подарил ей Джим Гарденер, и случилось это в 1976-м. Годом ранее Андерсон бросила колледж за пару месяцев до получения степени, чтобы вселиться в дядюшкино имение в Хейвене. Она и не замечала, насколько была одинока, пока Гард не принес собаку. Хотя нет, тогда еще только щенка. Андерсон до сих пор иногда не верилось, что пес постарел, а между тем, по собачьим меркам, ему стукнуло восемьдесят четыре. Некоторым образом Питер напоминал ей о возрасте. 1976 год давно канул в Лету. Тут не поспоришь. Когда тебе двадцать пять, можно позволить себе такую роскошь —

верить, что цифирки в паспорте означают всего лишь канцелярскую ошибку, которая рано или поздно будет исправлена. Но когда в одно прекрасное утро просыпаешься и понимаешь: твоему псу восемьдесят четыре, а тебе самой тридцать семь, приходится пересмотреть свои взгляды. Тут не поспоришь.

Андерсон искала подходящее место для рубки дров. Кое-что у нее лежало в запасе, но на зиму требовалось обычно в три раза больше. Сколько же она поработала топором с тех пор, как Питер был резвым щенком, который любил грызть старые тапочки и слишком часто прудил на ковер в столовой; а деревьев как будто и не убавилось. Участок (даже теперь, тринадцать лет спустя, местные жители по-прежнему называли его фермой Фрэнка Гаррика) протянулся вдоль шоссе номер 9 на каких-нибудь сто восемьдесят футов, однако каменные стены на его северной и южной границах расходились под неправильным углом. Еще одна, тыльная стена, которая от ветхости давно рассыпалась на отдельные груды камней, покрытых зеленым мхом, углублялась на целых три мили в чашу, поросшую как старыми, так и молодыми деревьями. Общая площадь этого клина земли впечатляла. К западу от владений Бобби Андерсон простирались необъятные безлюдные мили, собственность компании «Нью-Ингланд пейпер». «Горелый лес», как гласила надпись на карте.

По правде сказать, ей даже не нужно было искать хорошее место для вырубки. Дядя по материнской линии оставил племяннице землю, ценную как раз деревьями твердых пород, почти не пораженных личинками непарного шелкопряда. Просто после затяжной череды весенних ливней (из-за которых теперь в саду ни пройти, ни проехать от грязи) наконец-то выдался ясный и теплый день, а с новой книгой можно повременить. Так что Андерсон зачехлила пишущую машинку и вышла прогуляться в компании верного одноглазого старины Питера.

Оставив позади ферму, она прошла милю по старой трассе, проложенной некогда для перевозки леса, и повернула налево. С собой Бобби взяла рюкзак, где лежали книга и бутерброд, собачьи галеты, ворох оранжевых ленточек, чтобы пометать деревья, которые надо будет срубить ближе к концу сентября, когда тепло начнет уступать прохладной октябрьской погоде. Во фляжке плескалась вода. Карман оттягивал компас марки «Сильва». Пусть ей только раз довелось заблудиться в здешних

местах, но и этого раза оказалось более чем достаточно. Жуткая выдалась ночь; Бобби никак не могла поверить, что потерялась на собственной, черт возьми, земле, и в то же время со страхом ждала гибели. Кстати, это было вполне возможно: пропажу заметил бы только Джим, а он имел привычку появляться, когда не ждешь. Наутро Питер благополучно вывел хозяйку к ручью, а тот, в свою очередь, к шоссе номер 9, где с беззаботным журчанием убежал в подземную трубу в каких-то двух милях от ее дома. На сегодняшний день она, наверное, достаточно хорошо освоилась на местности, чтобы в случае чего самостоятельно выйти к дороге или одной из каменных стен, но «наверное» — это не значит «точно». Так что компас в кармане лишним не будет.

Примерно в три часа дня ей встретилась подходящая кленовая рощица. На самом деле, хорошие деревья попадались и раньше, но эти росли у знакомой тропинки, где с легкостью мог проехать «Томкэт»*. В двадцатых числах сентября — если кто-нибудь до тех пор не взорвет этот мир ко всем чертям — надо будет прикатить сюда на тракторе с прицепленными позади санями и помахать топором. Бобби почувствовала, что на сегодня достаточно нагулялась.

— Что скажешь, Пит?

Тот силпо гавкнул. Хозяйка взглянула на него с жалостью, и внезапно у нее защемило сердце. Как же он сдал! В последнее время почти перестал гонять разных птиц, белок и редких лесных гостей — сурков. Не говоря уж о том, чтобы броситься за оленем... Похоже, на обратном пути не обойтись без частых привалов. А ведь совсем недавно (как упрямо твердил хозяйке рассудок) Питер мчался на добрую четверть мили впереди нее, оглашая заросли громким лаем. И вот уже не за горами день, когда Бобби решит: достаточно. И в последний раз хлопнет ладонью по пассажирскому креслу своего грузовичка «шевроле», приглашая Питера прокатиться в Огасту, к ближайшей ветеринарной клинике. Господи, только не этим летом! Не осенью и не весной, пожалуйста, Господи! И вообще никогда, если можно.

Без собаки ее захлестнет одиночество. Разве что... Впрочем, Джим Гарденер вот уже года три как напоминает чокнутого. Он все еще друг, но... как бы чокнутый.

---

* Модель сельскохозяйственного трактора.

— Хорошо, что мы снова друг друга поняли, старина. — Бобби принялась завязывать ленточки, прекрасно понимая, что до сентября может несколько раз передумать и они так и сгниют на стволах. — Твой безупречный вкус уступает лишь твоему бравому виду.

Питер не стал с годами глупее и смекнул, чего от него ждут: махнул облезлым хвостом и подал голос.

— Покажи вьетконговца! — приказала Андерсон.

Пес покорно свалился на бок (при этом тоненько взвизгнув), перекатился на спину и вытянул ноги. Тот же трюк он проделывал по команде: «хуч!»* и «Милай!»**. Бобби обычно веселилась, однако сегодня притворная смерть любимца болезненно напомнила ей о собственных размышлениях.

— Хватит, Пит.

Тот с усилием поднялся, тяжело дыша. Какая же у него седая морда...

— Пошли домой.

Хозяйка бросила псу галету. Тот щелкнул челюстями, но промахнулся. Понюхал траву, прошел мимо угощения, вернулся и неторопливо, без особой радости принялся жевать.

— Молодец. Идем.

3

Не было подковы — королевство пало... выбрали тропинку — нашли корабль.

В течение тринадцати лет, за которые ферма Гаррика так и не превратилась в имение Андерсон, Бобби не единожды успела сюда наведаться. Вот знакомый склон, вот валежник, оставленный лесорубами (умершими, пожалуй, еще до войны с корейцами), вот могучая ель с раздвоенной верхушкой. Бобби бывала здесь раньше, а значит, без труда отыщет обратную дорогу, когда поведет «Томкэт». Раз или два, а то и раз шесть

---

* Дословно: лачуга, хижина.

** Название вьетнамской деревенской общины, где 16 марта 1968 года произошло массовое убийство мирного населения американскими солдатами.

она проходила в считанных ярдах, футах, если не в дюймах от места, на котором сегодня споткнулась.

На этот раз Бобби взяла чуть левее тропинки, следуя за собакой, и вдруг мысок старого туристического ботинка во что-то врезался... больно врезался.

— Ой! — вскрикнула она и замахала руками, но было поздно.

Бобби повалилась на землю. Щеку задела острая ветка низенького кустарника — и, кажется, порезала до крови.

— Черт!

Голубая сойка отчитала ее за брань сердитой тирадой.

Тут вернулся Питер и, обнюхав хозяйку, лизнул ее в нос.

— Фу, не надо, воняешь!

Пес завилял хвостом. Бобби села и провела рукой по левой щеке: на ладони и пальцах осталась кровь.

— Ничего себе, — хмыкнула она, оглядываясь.

Что же такое ей подвернулось под ногу — ветка? Скорее всего, торчащий камень. Этого добра в Мэне хоть отбавляй.

Перед глазами блеснул металл.

Бобби дотронулась, провела пальцем и сдула черную грязь.

— Что это, Питер?

Пес подошел, понюхал — и вдруг, ни с того ни с сего, попятился, сел, разразился протяжным воем.

— Какая муха тебя укусила? — поинтересовалась хозяйка, но Питер не обращал на нее внимания.

Андерсон подползла поближе, испачкав сзади джинсы, и пригляделась. Что это за железка в земле?

Предмет торчал над слоем пожухлой травы на три дюйма — не захочешь, споткнешься. Наверное, ливни размыли почву на склоне. Первым делом Бобби подумала о лесорубах, трудившихся на этой земле в двадцатые и тридцатые, выезжая на пресловутые «лесоповальные выходные» трехдневки: должно быть, работники закопали здесь разный мусор.

Жестяная банка из-под бобов или супа? Э, нет, кто бы мог споткнуться о такую жестянку? Разве только младенец. Бобби поддела находку мыском ботинка. Та совершенно не поддавалась. Твердая, будто скала. Может, какое-нибудь орудие?

Андерсон из любопытства склонилась пониже, не замечая, что Питер поднялся, отошел еще на четыре шага и только тогда снова сел.

Металл имел мутно-серый оттенок; будь это жель или железо, они блестели бы. Да и толщина для обычной банки неподходящая: чуть ли не с четверть дюйма. Бобби потрогала край указательным пальцем — и ощутила странную дрожь.

Отдернула палец. Озадаченно на него посмотрела...

И снова потрогала.

Ничего. Тишина.

Бобби сжала предмет между пальцами и попыталась выдернуть из земли, точно расшатанный зуб из десны. Никакого эффекта. Рука стиснула торчащий предмет примерно посередине. Он — если только Бобби не ошиблась в расчетах — уходил на два дюйма в землю. Да она бы лет сорок могла гулять рядом с этой штуковиной трижды в день и не спотыкаться, скажет Андерсон Джиму Гарденеру несколько позже.

Она стряхнула еще немного земли, затем погрузила пальцы в рыхлую лесную почву — та всегда легко поддается, если вам повезет не наткнуться на разветвленные корни — и прорыла небольшую канавку. Потом встала на колени и принялась копать с другой стороны. Гладкий предмет не кончался. Бобби еще раз попробовала его раскатать. Никакого толку.

Она быстрее заработала пальцами. Вот уже из-под земли показались шесть дюймов металла, девять, фут...

Внезапно ей пришло в голову: это какой-нибудь автомобиль, грузовик или трактор. Закопанный здесь, в глуши.

Или «печь Гувера»*. Но почему здесь-то?

Сколько Бобби ни думала, ей не пришло на ум ни одной причины. Ну, то есть ни единой.

Порой она находила в лесах какой-нибудь хлам — канистры из-под бензина, пивные банки (самые старые из них были даже без открывалки на крышке, зато с треугольными дырками от «церковных ключей», как их называли в смутные шестидесятые), конфетные фантики, прочую чепуху.

---

* Переносная печь из автомобильных деталей со свалки. «Гувервиллями» называли многочисленные городские трущобы во время Великой депрессии. Название пошло от фамилии Герберта Гувера, в то время президента США, на которого возлагали вину за депрессию.

Конечно, Хейвен лежал в стороне от двух основных туристических маршрутов штата Мэн, один из которых проходил через озеро и горы на запад, а второй — через побережье на восток; но от первозданной природы здесь почти ничего не осталось. Однажды, когда Бобби проникла за развалины каменной ограды, тем самым нарушив земельное право компании «Нью-Ингланд пейпер», ей на глаза попались ржавые остатки «хадсон-хорнета» конца сороковых, брошенного посередине бывшей лесной дороги, у которой уж двадцать лет как не проводили плановых вырубок и которая к тому времени погрязла в непролазной путанице ветвей, называемой в простонародье Чертвудом. Машине там взяться неоткуда... И все же если появление автомобиля поддавалось хоть какой-то логике, то как объяснить эту печку, или рефрижератор, или еще невесть какую дрянь, столь основательно погребенную в земле?

Прокопав два углубления длиной в целый фут по обе стороны от предмета, Бобби так и не выяснила, где он заканчивается. Она и вглубь проникла на целый фут, но потом ногти стали царапать горную породу. Камни, по крайней мере, поддавались раскачиванию, — только вытаскивать их не было уж совсем никакого смысла. Незнакомая штука явно уходила гораздо глубже.

Питер начал поскуливать.

Андерсон посмотрела на пса и поднялась. Оба колена хрустнули. Левую щиколотку как будто покалывало иглами. Выудив из кармана часы марки «Саймон», потускневшие от времени (еще одна часть наследства дядюшки Фрэнка), Бобби с изумлением поняла, что потратила уйму времени — битый час с четвертью — и что уже давно пробило четыре.

— Идем, Питер, — позвала она. — Хватит здесь прохлаждаться.

Тот опять заскулил, но не тронулся с места. Внезапно Бобби заметила, как он весь дрожит, будто в лихорадке. Трудно сказать, болеют ли псы малярией; старые — может быть. Бобби помнила лишь один случай, когда Питера била такая дрожь. Осенью 1975 года (или 1976-го), когда по лесу бродила рысь. Ночей девять кряду окрестности глохли от воплей неразделенной страсти. Каждый раз Питер подходил к окну в гостинной